

ДЕНИС
ШАЛАГИНОВ

Разговор обо всем: антропология (обитаемого) космоса

*Imagining for Real: Essays on Creation,
Attention and Correspondence*

TIM INGOLD

London; New York: Routledge, 2022. – 438 p.

Чем внимательнее она смотрела, тем больше сам воздух превращался в непрерывный хоровод пылинок: они бесконечно падали, постоянно перемешивались, двигались, перемещались, мерцали, собирались вместе, росли.

Адам Нэвилл. «Никто не уйдет живым»¹

МЕЖДУ ЦИКЛИЧНОСТЬЮ И ЛИНЕЙНОСТЬЮ

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

«**В**ображая по-настоящему» закругляет линию многолетних изысканий Тима Ингольда, выступая последним томом трилогии, начатой «Восприятием среды» (2000) и получившей развитие в «Быть живым» (2011). Забегая вперед, заметим, что такое закругление обладает перформативным аспектом, так как обыгрывает один из сквозных концептов книги: вихрь. Этот концепт, или скорее концептуальный образ, напрямую связан с ключевой проблемой, поставленной в работе Ингольда, поэтому необходимо сразу сказать о нем несколько слов. Образ вихря, круговорота, вновь и вновь возникающий в текстах британского антрополога, отсылает к пассажу из «Творческой эволюции», где Анри Бергсон вводит различие между жизнью в целом и ее «частными проявлениями». В то время как эволюция в целом идет по прямой, конкретные существа в своем развитии отстают от движения самой жизни, *сгибая* ее траекторию, и в результате, «как облака пыли, поднятые струей ветра, живые существа вращаются вокруг себя, увлекаемые великим дуновением жизни»². Пропуская эту мысль через ряд художественно-теоретических фильтров³, Ингольд приходит

1 Нэвилл А. *Никто не уйдет живым*. М.: АСТ, 2021. С. 554–555.

2 БЕРГСОН А. *Творческая эволюция*. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 144.

3 Наиболее яркими примерами которых могут послужить изображения землессозидающих путешествий предков вальбири во «Время сновидений» (INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007. P. 98–100) и «Танец» Анри Матисса (IDEM. *The Life of Lines*. London; New York: Routledge, 2015. P. 6–7).

к онтологии жизни как множественного завихрения, или космогонического полилога. Таким образом, если в «Восприятии среды» предпринята попытка концептуализировать человека как странника, то есть в качестве сингулярного некса творческого роста и движения, а в «Быть живым» исследование динамики странствия приводит к концепту сплетения (*meshwork*)⁴ как ткани из сосуществующих линий обитания, то тексты, собранные в «Воображая по-настоящему», стремятся «открыться полноте реального» (р. xii), понятой в качестве разговора.

Но как это сделать? Ответ дан в подзаголовке сборника: через творчество, внимание и корреспонденцию. В рамках развиваемого Ингольдом варианта экологической антропологии, сфокусированного на вопросе, как среда открывается восприятию изнутри потока жизни (р. 2), и восходящего к авторским полевым исследованиям в Лапландии, три этих понятия особым образом перенастраиваются. Так, например, творчество разводится с креативностью, которая движется от идеи к конечному продукту, работая в навязываемом капитализмом режиме товаризации, где воображение становится «инкубатором идей». В этой перспективе мы имеем дело с вереницей «вневременных» образов и объектов: время отменяется, так как конечный продукт предзадан в проекте, реализуемом «с механической необходимостью». Творчество, наоборот, требует времени и претерпевания: здесь конец не содержится в начале; скорее имеет место «бесконечное начинание» (р. 26). Стало быть, в отличие от креативности, перескакивающей от проекта к проекту (где проект аналогичен пункту назначения), минуя процессы обновления и роста, творчество представляет собой блуждающее соучастие в непрерывном самосотворении мира (р. 27).

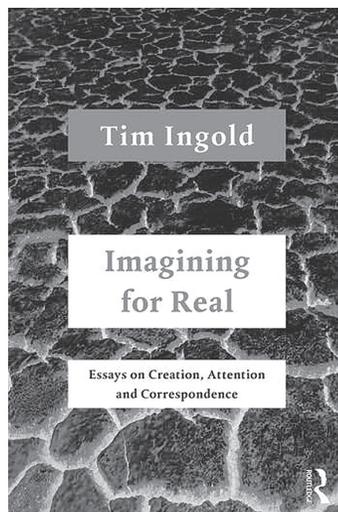
Такое сотворчество-посреди⁵ неотделимо от внимания, которое, по Ингольду, обладает двумя комплементарными аспектами, схватываемыми в образах *оседлости* и *полета*. Если в первом случае речь о перцептивной настройке, позволяющей улавливать информацию о характеристиках среды и тем самым подстраиваться под нее, то во втором – о «практике экспозиции», выхода за пределы привычного и погружения в «неопределенность мира-в-становлении» (р. 121). Два этих аспекта внимания, подобно вдоху и выдоху, опосредуют диалог с миром, или корреспонденцию. Понятие корреспонденции – ключевое

4 Подробнее см.: Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // Неприкосновенный запас*. 2021. № 2(136). С. 47–49; INGOLD T. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011. P. 63–94.

5 Где «посреди» также означает «на ощупь»: «Глаз не смотрит на вещи, а блуждает среди них, прокладывая сквозной путь, а не ориентируясь на фиксированную цель. То есть он опосредует перцептивное взаимодействие с окружением, являющееся не *оптическим*, а *гаптическим*» (Ингольд Т. *Воздухоплавание в гладком пространстве // lmnt*. 2021. № 2 (<http://lmnt.space/portfolio/ballooning/>)).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

в поздних текстах Ингольда⁶ – описывает динамику различения исходя из двух базовых интуиций: во-первых, жизнь не замкнута в точках, а проживается *вдоль* линий; во-вторых, эти линии, как мелодии в полифонии, непрерывно дифференцируются *изнутри* ткани мира. Отсюда вытекает концепция отношения, которая дистанцируется, с одной стороны, от интеракции, с другой, – от интраакции. Если первая представляет собой внешнее, или инвертирующее⁷, отношение между агентами (образец критикуемого Ингольдом «пунктирного» подхода⁸), то случай второй менее прозрачен, и следует рассмотреть его подробнее.

Разработанное Карен Барад понятие интраакции направлено на ревизию традиционной концепции причинности. Исходя из трактовки феноменов как «онтологически первичных отношений», или непрерывных реконфигураций мира, Барад описывает его как «агентную интраактивность в становлении», где агентность не атрибут субъекта (так как «субъекты» и «объекты» не предшествуют отношениям), а сама реконфигурация⁹. Близкий Ингольду, этот подход, однако, подвергается критике уже в «Жизни линий»: «если, как утверждает [Барад], агентность *есть* интраактивность, тогда я не понимаю, зачем нам вообще концепт агентности»¹⁰. Возвращаясь к полемике с Барад на страницах «Воображая по-настоящему», Ингольд резюмирует свое недовольство в двух пунктах: во-первых, в понятии интраакции упускается взаимная отзывчивость¹¹; во-вторых, отношения корреспонденции «не между и не внутри, а вдоль» (р. 6). Или, в антропологических терминах, корреспонденция – это филиация, а не альянс (р. 350–352), отсюда и кочующие из текста в текст концептуальные образы (веревка, косичка, корзина и так далее).

Три рассмотренных понятия (творчество, внимание и корреспонденция) представляют собой «ипостаси» практики, название которой вынесено в заглавие сборника: «воображать по-настоящему». В этой фразе с ходу распознается передислокация борьбы с разделением, которую в прошлых работах Ингольд вел на других фронтах. В данном случае речь идет о разделении между воображением и реальностью, которое соседствует с другим – между людьми и нелюдьми: как мыслить вооб-

6 Этому понятию посвящена его предыдущая книга: INGOLD T. *Correspondences*. Cambridge: Polity Press, 2021; см. также комментарий: ШАЛАГИНОВ Д. *Прогуливаясь вдоль лесных троп: антропология против санитарных кордонов* // Неприкосновенный запас. 2021. № 6(140). С. 246–255.

7 Под инверсией здесь понимается превращение линий движения в границы содержания, см.: INGOLD T. *Rethinking the Animate, Re-Animating Thought* // *Ethnos*. 2006. Vol. 71. № 1. P. 11–12.

8 Подробнее см.: ИДЕМ. *Lines: A Brief History*. P. 72–103.

9 БАРАД К. *Агентный реализм* // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология* / Ред. М. КРАМАР, К. САРКИСОВ. М.: V-A-C press, 2018. С. 50–53.

10 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 153.

11 По той же причине Ингольд предпочитает корреспонденцию, или *co*-ответствие, предложенному Джоном Кейджем – и, независимо от него Донной Харауэй – выражению «способность к ответу» (р. 246, 376).

ражение, избегая человеческой исключительности? Прежде всего следует расподобить его с ментальной репрезентацией, а в пределе – выйти за рамки оппозиции между воображением и реальностью. По сути, именно такой выход и осуществляется в воображении по-настоящему, где «воображение соединяется с реальным, а не играет на его фоне» (р. 4). В этом соединении воображение раскрывается как изнанка восприятия, где первое детерриториализует, а второе ретерриториализует, как блестяще демонстрирует пример человеческой ходьбы (р. 38, 322). Иначе говоря, воображение по-настоящему не что иное, как *ритм* обживания среды, который характерен не только для людей, но и для всех живых существ, и здесь мы возвращаемся к упомянутому вначале образу вихря.

Строго говоря, этот образ представляет собой ответ на вопрос, откуда берутся линии. Едва намеченный в первой книге авторской диалогии о линиях, этот ответ прорабатывается во второй – на примерах бури и улитки. Несмотря на различие в масштабах, принципы их действия весьма схожи: буря поднимается и затихает, оставляя за собой *след*; то же делает и улитка, ритмически проталкивая и подтягивая свое тело:

«В движении каждая улитка выворачивается из внутреннего пространства своей раковины-завитка, становясь линией. Оставляя на земле слизистый след, она спутывается с линиями остальных себе подобных так, что возникает зримое сплетение. Пожалуй, отличительная черта этих линий состоит в том, что [...] они никогда не бывают идеально прямыми»¹².

Таким образом, улитка как «движущееся движение, непрерывно отклоняющееся от курса», то есть *вихрь*, демонстрирует ритмическое колебание, в котором цикличность переходит в линейность, и наоборот; этот ритм, согласно Ингольду, является «*основополагающим* для круговорота жизни» (р. 42, 51). Стало быть, вопрос о воображении и восприятии подводит к другому – вопросу о сочетании и поддержании ритмов, или динамической устойчивости более-чем-человеческого мира. Проще говоря: как такой мир *удерживается*? Именно этот вопрос, так или иначе затрагиваемый во всех текстах сборника, я и рассмотрю ниже, начав издалика.

Нити прошлого в ушко настоящего

В статье «Музей, его смысл и назначение» (1913) Николай Фёдоров замечает: «Через всю почти историю непрерывно проходит

12 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 58.

опасение за разрушимость земли, за кончину мира», а значит, «вопрос об опоре [...] остается всегда открытым»¹³. Для Фёдорова этот вопрос – «космо-антропологический», где космо-антропология равнозначна астрономии, в которой «память сливается с разумом, а прошедшее с настоящим»¹⁴. Именно конфликт прошлого и настоящего, а точнее, *вытеснение* первого вторым, делает мир неустойчивым, а «наш век» – «большим»; соответственно, астрономия, пропущенная через фильтр проблемы отцов и детей и трактуемая как «регулятор падения», есть не что иное, как *космотерапия*. Вопрос, как удержать мир от падения, – строго практический; отсюда фёдоровская критика «кабинетного представления»: если исходно философия была астрономией, то *отвлечение* первой от второй затемнило саму проблему устойчивости¹⁵. Таким образом, возвращение вытесненного есть прежде всего возвращение к разуму, который обращен к «конкретным причинам», *предкам*, и посредством памяти осуществляет «проект будущей жизни», *музей*. Проясняя этот окольный путь в будущее, Фёдоров пишет:

«Цель музея не может быть иною, чем цель хоровода и храма предков, в который и превратился хоровод, т.е. солнцевод, возвращавший солнце на лето, возбуждавший жизнь во всем, что замерло зимою. Разница здесь будет лишь в способе действия, который в хороводе и храме не имел действительной силы; действие же музея должно иметь силу, действительно возвращающую жизнь, дающую ее. Это и будет, когда музей возвратится к самому праху и создаст орудия, регулирующие разрушительные, умерщвляющие силы природы, управляющие ими»¹⁶.

Это возвращающее жизнь возвращение к праху мыслится как переход в совершеннолетие; следовательно, фёдоровский музей – это рекурсивная машина радикального просвещения, стирающая границу между храмом и миром, который, таким образом, становится музеем¹⁷. Идеи Фёдорова важны здесь потому, что Ингольд разделяет с ним не только проблему, но отчасти и решение. И вместе с тем контраст между ними разителен: «вместо того, чтобы сравнивать [мир] с гигантским музеем» – не говоря уже о том, чтобы превращать первый во второй, – следовало бы помыслить его как «огромную кухню с необходимым запасом всевозможных ингредиентов», которые анархически смешиваются друг с другом, а «повар [...] вынужден бороться

13 Фёдоров Н. *Музей, его смысл и назначение* // Гройс Б. *Русский космизм. Антология*. М.: Ad Marginem, 2015. С. 42.

14 Там же. С. 37, 40.

15 Там же. С. 41–42.

16 Там же. С. 36–37.

17 Подробнее см.: SHALAGINOV D. *Rite and Ground* // *Cosmic Bulletin*. 2022. Vol. 3 (<https://cosmos.art/cosmic-bulletin/2022/rite-and-ground>).

за сохранение некоего подобия контроля над происходящим»¹⁸. В предпочтении кухни музеем акцент делается на метаморфозе: устойчивость достигается не через восстановление, а путем обновления. Обе операции противостоят логике замещения, но за ними стоят две разные концепции памяти. В первом случае память материализуется в архиве, но при этом живет в любом человеке в виде долга, или тени¹⁹, которая выступает драйвером не только архивации, но и реставрации конкретных причин, – обе эти функции соединяются в музее как сила собирания. Во втором случае «память собирает жизненные нити прошлого и вдевает их в ушко настоящего» (р. 279); здесь, как и в музее, ключевую роль играет собирание, но память не застывает в объектах и/или лицах²⁰, а является тропой: вдоль нее можно двигаться дальше без отрыва от прошлого, которое перерождается в пути. Как утверждает Ингольд, «идти по тропе означает помнить путь», но следование по пути включает в себя «значительную долю творческой импровизации»²¹. В этом смысле память – регенеративный цикл, у которого нет ни начала ни конца, а значит, нет и первопричины, поскольку единственная причина цикла – сам цикл в целом²².

Таким образом, проблема устойчивости порождает (как минимум) два вектора, первый из которых можно обозначить как «археологический» (или «стратиграфический»), где под археологией понимается мышление, одержимое вопросом глубины как «первичного слоя», происхождения, причины²³; а второй – «анархеологическим» («антистратиграфическим»), где глубина парадоксальным образом оказывается на поверхности. Ингольд пишет:

«Логика стратиграфии [...] артикулирует и иерархизирует последовательные положения вещей, которые появляются в готовом виде и наслаиваются друг на друга, как печатные листы в стопке или же последовательные уровни древовидной диаграммы, опосредующие глубинную структуру внизу и поверхностную структуру наверху. Антистратиграфическая логика, напротив, ризоматична» (р. 194).

В основе первого подхода лежит идея хранилища, где «настоящее наслаивает собственное прошлое поверх прошлого

18 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь*. С. 42.

19 См.: «Как тень, [музей] сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим. Всякий человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, как мертвый придаток, как труп, как угрызения совести» (Фёдоров Н. *Указ. соч.* С. 34–35).

20 См.: «Музей есть [...] собор лиц» (Там же. С. 45).

21 Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля* // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 93.

22 См.: Хуэй Ю. *Рекурсивность и контингентность*. М.: V-A-C press, 2020. С. 24.

23 Бенсусан Х. *Ap-arché, Xeinós, uríhí a: изначальный Другой в космополитическом лесу* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 117.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:

АНТРОПОЛОГИЯ

(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

своих предшественников» (р. 186), что, в частности, позволяет Фёдорову трактовать хранение как коренной закон. Эмблематическим для второй логики является образ палимпсеста, где цикл письма и стирания приводит к тому, что отношения настоящего и прошлого как бы переворачиваются, поскольку настоящее проникает вглубь, а прошлое выходит на поверхность вследствие неполного стирания следов старого текста. По сути, антистратиграфия – лишь другое имя одностороннего различения, что признает сам Ингольд (р. 193), тогда как стратиграфия в конечном счете совпадает с замещением, и как раз поэтому Фёдорову требуется дополнить хранение восстановлением. Но для этого ему необходимо преодолеть контингентность, что прослеживается в самой цели музея, как та понимается Фёдоровым, – и здесь, на мой взгляд, следует вернуться к образу хоровода.

По большому счету, в этом образе свернуты два несовместимых подхода к времени. С одной стороны, хоровод, по словам Фёдорова, это проторегуляция, то есть техника, пусть и неэффективная, управления временем. С другой стороны, хоровод – это со-ответствие, а значит, погружение в нехронологическое время становления как «время погоды и сезонов, бьющихся волн и бегущих рек, роста и увядания растительности» (р. 277). Таким образом, хоровод удваивается, удерживая в себе два расходящихся смысла-направления, которые, с моей точки зрения, легче всего ухватить, обратившись к одному из пассажей в «Линиях», где обсуждается различие между странствием (*wayfaring*) и перемещением (*transport*). Как пишет Ингольд, если странствие есть движение *со* временем, то перемещение – движение *против* времени, в котором усматривается «не органический потенциал», а «механические ограничения оборудования»²⁴. В этом смысле фёдоровский проект возвращения к праху и создания орудий, свободных от ограничений, как бы отделяет цикличность от линейности: условием и результатом возвращения является космо-мануфактурный²⁵ тайм-менеджмент. В защиту Фёдорова нельзя не признать, что в его желании «смирять бури» заявляет о себе любовь ко всему живому, которая и приводит к постановке проблемы устойчивости, – вопрос лишь в том, можно ли решить ее, победив время с помощью «идеальной» техники.

Космо-антропология становится антропологией обитаемого космоса именно *благодаря* времени. Ингольд обозначает такой космос как «пленум», который и *есть* время (р. 330) в указанном смысле неметрического времени обновления. В этой пер-

24 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 102.

25 В смысле общего делания космоса своими руками, но *без* разделения труда, так как цель музея – единство.

спективе устойчивость достигается не знанием, а *мудростью*, реляционной и аффективной, погруженной в среду и трактуемой в анимистически-экологическом духе (р. 58–60). Этот иммерсивный подход, как несложно догадаться, противостоит «отстраненному» разуму большой науки, чьи цели заключаются в моделировании, прогнозировании и контроле (р. 333). Но, превращая мир в управляемую тотальность, модели и прогнозы отнюдь не гарантируют его устойчивости. Завершая эссе «Устойчивость всего», одно из ключевых в сборнике, Ингольд пишет:

«Когда динозавры вымерли, Землю унаследовали мелкие млекопитающие, среди которых была и куница. Самой известной куницей в истории может оказаться та, что перегрызла электрической кабель, на неделю выведя из строя крупнейшую из когда-либо построенных машин – большой адронный коллайдер ЦЕРНа. Коллайдер – это, пожалуй, самое большое проявление научного высокомерия, которое мы когда-либо видели: [...] настоящая машина конца света. Но в пределе крах большой науки [...] не приведет к концу света. Напротив, он откроет новое начало. Наступит время по ту сторону антропоцена» (р. 336).

Эти слова звучат в унисон с голосом Анны Цзин: жизнь прорастает сквозь руины больших проектов – ветер вновь взмывает в воздух хоровод пылинок. Ингольд не обходит стороной идеи Цзин, обращаясь к ним в статье «В собирающих тенях материальных вещей», где предлагается критический анализ теории ассамбляжей. Если Цзин уравнивает понятия ассамбляжа и собрания (*gathering*)²⁶, то Ингольд, напротив, их соотнождествляет, показывая, что первый – скорее продукт второго, которое является его негативом, или тенью. Иными словами, ассамбляж, как контингентная нетотализируемая сумма каких угодно элементов, – это лишь одна сторона *agencement*²⁷, тогда как другой является *собрание*. Отталкиваясь от вопроса, что значит соединять вещи, Ингольд показывает, как аддитивная логика теории ассамбляжей *вытесняет* операции, благодаря которым компоненты удерживаются вместе. Обыгрывая делёзо-гваттарианский пример со стеной сухой кладки, «где все камни хоть и держатся вместе, однако каждый по-своему»²⁸, антрополог призывает не забывать о тяжелом труде строителей, чья «корреспонденция с камнями постепенно уступила место корреспонденции камней друг с другом» и чье «призрачное присутствие все еще таится в промежутках, посреди

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

26 См.: «Ассамбляжи – это бессрочные собрания» (Цзин А. *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 39).

27 В русских переводах это понятие Делёза и Гваттари передается как «сборка» или «устройство».

28 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. С. 30.

углубляющихся теней камней» (р. 272)²⁹. Таким образом, проблема памяти глубоко вплетена в вопрос об удерживании космоса, но эта глубина в поверхности, в промежутках³⁰.

О РИТУРНЕЛИ, ВНОВЬ

Как возникает обитаемый космос – как он продолжается? Путем повторения: повторения пути. Иначе говоря, космос *возвращается*; более того, космос и *есть* возвращение³¹; а это в свою очередь подводит к вопросу «куда?», то есть вопросу о *месте* – в частности, месте человека в космосе. Ингольд ставит этот вопрос в статье «Постчеловеческая предьстория», где выступает за переизобретение гуманизма, и в этом он далеко не одинок³². Куда более провокационной может показаться его апология антропоцентризма, поэтому в заключение следует вкратце рассказать, что здесь понимается под «человеком», а что – под «центром», связав то и другое с темой цикличности–линейности, с которой мы начали.

Вопрос о началах человека, *homo*, укоренен в земле: как полагал Джамбаттиста Вико, этимологически латинское *Humanitas* происходит от *humare*, «погребать». Следовательно, люди изначально принадлежали почве, *humus*. Приводя эту этимологию, Ингольд, однако, напоминает, что Вико был одним из мыслителей, *перевернувших* эту логику под знаменем универсального разума, который призван освободить человека от земных уз, а значит, и от любой связи с местом. В результате земля превратилась в пассивный субстрат, колыбель разума, которую надо покинуть, чтобы не остаться детьми, поскольку «реальная история – для взрослых» (р. 310). Другими словами, благодаря просвещенческому гуманизму земля стала стихией предьстории – но что насчет человека? По словам Ингольда, человечество, полностью колонизировав землю и превратив ее в хранилище ресурсов, оказалось отнюдь не в центре мира, а напротив, на его периферии, то есть научно-технический мир модерна не антропоцентричен, а напротив, антропопериферичен. Отсюда необходимость заново поместить человека

29 Следуя призыву не забывать о строителях, необходимо упомянуть Мартина Хайдеггера, у которого заимствуется понятие собирания, и Мишеля де Серто, чьи идеи о стирании маршрутов с современных карт таятся в тени аргумента Ингольда.

30 Другими словами, эта глубина *реляционна*, поскольку глубинно здесь генеративное поле виртуальностей, предшествующее конкретным формам. Подробнее об этом см.: Шалагинов Д. *Ни сети, ни ассамбляжи: одушевляя вещи с Тимом Ингольдом* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 50–64.

31 См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 545, 580.

32 См., например: Вивейруш де Кастру Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 13.

в «бьющееся сердце более-чем-человеческого мира» (р. 323).
Что под этим подразумевается? Ингольд пишет:

«Я хочу развернуть гуманизм в направлении, ортогональном его оппозиции по отношению к антигуманизму. [...] Речь идет о смещении к другой оси, вдоль которой человеческие жизни разворачиваются параллельно жизням других существ. [...] Это ось не прогресса, ведущего к заранее определенному результату, а устойчивости, отмеряемой продольным переплетением поколений, а не их последовательной сменой» (р. 324).

На этой оси человек – не отвергаемый постгуманизмом стандарт узнаваемости, *клише*, но *animal homificans*. Это выражение Раймунда Луллия обозначает непрерывное становление человеком в сообществе других становлений – и как раз этот процесс Ингольд называет странствием. Говоря о странствии, необходимо коснуться одного из ключевых мотивов «Постчеловеческой предыстории» – спора с Розы Брайдотти. Если Брайдотти, настаивая на преодолении антропоцентризма, выводит на первый план *номадизм*, то Ингольд берет у Жилия Делёза и Феликса Гваттари другой концепт – *следование*³³, которое переплетается с тем, что авторы «Тысячи плато» описывают как ритуурнель.

В ритуурнели собираются все обсуждавшиеся выше тематические линии – ритм, время, устойчивость, космос. Ритуурнель сочетает в себе три аспекта: во-первых, наметить центр; во-вторых, очертить вокруг центра круг; в-третьих, разомкнуть этот круг. Соответственно, ритуурнель описывает рекурсивный процесс: от хаоса к центру, затем – к дому и, наконец, вовне, к силам космоса³⁴. Если первые два аспекта дают *цикличность*, то третий – *линию* импровизации. Таким образом, ритуурнель сплетает повторение и различие в ритмический ответ хаосу, ритм-хаос, где цикл отделим от линии лишь ценой застывания или коллапса в неразличимый поток³⁵. Что это говорит об антропоцентризме? В этом свете человек, как и вихрь, «не предполагает центра, а порождает его – как место относительного покоя» (р. 43), *привычку*, которая позволяет ему возвращаться и уходить, воображая по-настоящему, то есть создавая новые места.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

33 А следование – это и есть странствие. См.: Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь*. С. 45. О различии между номадизмом и странствием см.: INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 101. Вкратце: если номадизм безместен, то странствие местосозидательно.

34 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 517–518. Ритуурнель определяется как «априорная форма времени, которая каждый раз фабрикует различные времена» (с. 584), то есть ритуурнель, или повторяющийся мотив («песенка»), делает время обитаемым (*habité*) через введение ритмизирующих привычек (*habitudes*).

35 Подробнее см.: INGALA E. *Of the Refrain (The Ritornello)* // SOMERS-HALL H., BELL A.J., WILLIAMS J. (Eds.). *A Thousand Plateaus and Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 192, 199.